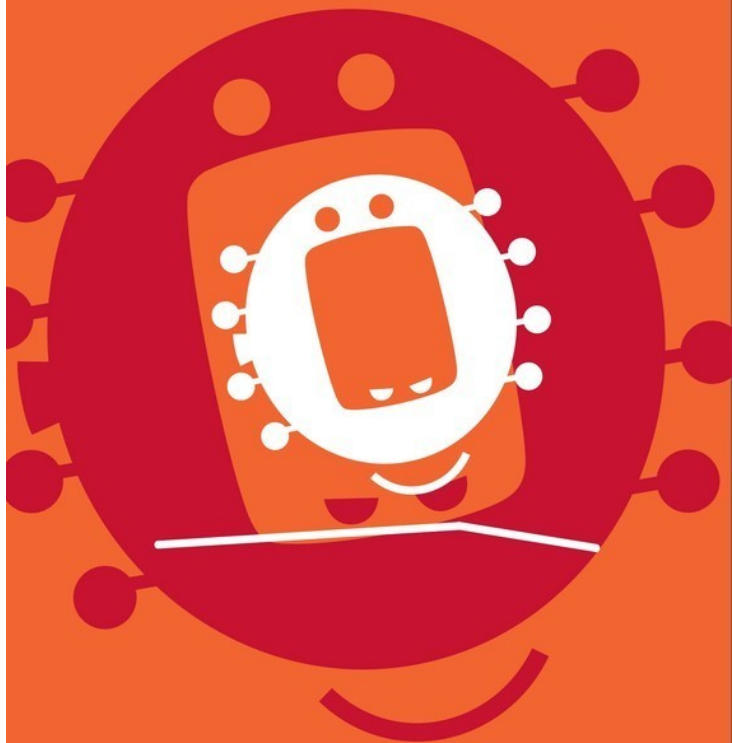


ВЕЛИКИЙ ГЭСЛЯР

КИР БУЛЫЧЕВ



В ПРОДАЖУ ПОСТУПИЛИ  
ЗОЛОТЫЕ РЫБКИ



**Кир Булычев**  
**Марсианское зелье**  
Серия «Гусляр»  
Серия «Чудеса в Гусляре», книга 11

*Текст предоставлен издательством*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=135442](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=135442)*

*Поступили в продажу золотые рыбки: Время; Москва; 2012*

*ISBN 978-5-9691-0645-1, 978-5-9691-0642-0*

### **Аннотация**

«Корнелий Удалов не решился один идти с жалобой в универмаг. Он спустился вниз, позвал на помощь соседа. Грубин, услышав просьбу, долго хохотал, но не отказал и даже был польщен. Отодвинул микроскоп, закатал рисовое зернышко в мягкую бумагу, положил в ящик стола. Потом шагнул к трехсотлитровому самодельному аквариуму и взял наброшенный на него черный пиджак с блеском на локтях. Пиджаком Грубин спасал тропических рыбок от говорящего ворона. Ворон их пугал, болтал клювом в воде...»

# Содержание

1	4
2	15
3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

# Кир Булычев

## Марсианское зелье

### 1

Корнелий Удалов не решился один идти с жалобой в универмаг. Он спустился вниз, позвал на помощь соседа. Грубин, услышав просьбу, долго хохотал, но не отказал и даже был польщен. Отодвинул микроскоп, закатал рисовое зернышко в мягкую бумагу, положил в ящик стола. Потом шагнул к трехсотлитровому самодельному аквариуму и взял заброшенный на него черный пиджак с блеском на локтях. Пиджаком Грубин спасал тропических рыбок от говорящего ворона. Ворон их пугал, болтал клювом в воде.

– Ты, Корнелий, не робей, – говорил Грубин, надевая пиджак поверх голубой застиранной майки. – В ракетостроении перекосов быть не должно.

Ворон забил крыльями, запросился на волю, но Грубин его с собой не взял, напротив – сунул в шкаф, запер.

Удалов подхватил большой прозрачный мешок, в котором покоилась оказавшаяся дефектной красная пластиковая ракета на желтой пусковой установке, купленная в подарок сыну Максимке, понизже надвинул соломенную шляпу и первым направился к двери.

Грубин, превосходивший Корнелия ростом на три головы, шагал размашисто, мотал нечесаной шевелюрой, посмеивался и громко рассуждал.

Удалов шел мелко, потел и боялся, что его увидят знакомые.

Жена Удалова, Ксения, крикнула им вслед со двора:

– Без замены не являйся!

– Ну-ну, – сказал Грубин негромко.

Они пошли по улице.

Двухэтажный, большей частью каменный, некогда купеческий, а теперь районный центр, город Великий Гусляр к концу июня раскалился от затяжной засухи. Редкие грузовики, «газики» и автобусы, проезжавшие по Пушкинской улице, тянули за собой длинные конусы желтой пыли и оттого напоминали приземлившихся парашютистов.

Был второй час дня и самая жара. На улицах показывались только те люди, которым это было крайне необходимо. Потому Корнелий и выбрал такое время, а не вечер. Он даже пожертвовал обеденным перерывом: надеялся, универмаг пуст и не стыдно будет поднимать разговор из-за пустяковой игрушки.

Миновали аптеку. Грубин поздоровался с сидевшим у открытого окна провизором Савичем.

– Не жарко? – спросил Савич, поглядев на Грубина поверх очков. Сам Савич был потный и дышал ртом.

– Идем на конфликт! – громко известил Грубин. – Вме-

нением иск против государства!

Удалов уже жалел, что позвал Грубина. Он дернул соседа за полу пиджака, чтобы тот не задерживался.

– И вы тоже, товарищ Удалов? – провизор обрадовался случаю отвлечься. – У вас опять неприятности?

Удалов буркнул невнятное и прибавил ходу. Головой повертел, чтобы поглубже ушла в шляпу, и даже стал прихрамывать: хотел быть неузнаваемым.

Грубин догнал его в два шага и сказал:

– Правильно он тебе намекнул. Я давно задумываюсь, как с помощью материализма объяснить, что половина всех невезений в городе падает на тебя?

– Архив покрасить пора, – уклончиво сказал Корнелий.

Грубин удивился и посмотрел на церковь Параскевы Пятницы, в которой размещался районный архив.

– Твое дело, – сказал Грубин. – Ты у нас начальник.

По другую сторону улицы стоял Спасо-Трофимовский монастырь, отданный после революции речному техникуму. Дюжие мальчишки на велосипедах выезжали оттуда и катили на пляж. Монастырь в отличие от Параскевы Пятницы был хорошо покрашен, и купола главного собора сверкали, как стеклянные адские котлы, наполненные лавой.

– Мне твоя жена говорила, – продолжал Грубин, – что тебе в десятом классе на экзамене тринадцатый билет по истории достался и ты медаль не получил. Правда?

– Я бы ее и так не получил, – возразил Удалов.

А сам подумал: «Зря Ксения такие сплетни распространяет. Это дело старое, счеты с Кагельской, тогдашней историчкой. Если бы можно жизнь повторить сначала, выучил бы все про Радищева». Сколько лет прошло, не думал тогда, что станет директором стройконторы, а видел перед собой прямую дорогу вдаль.

– Я жизнью удовлетворен, – произнес Удалов твердо, и Грубин хохотнул, глядя сверху. То ли не поверил другу, то ли был сам не удовлетворен.

Универмаг находился в бывшем магазине купца Титова. Купец перед самой Первой мировой получил потомственное дворянство и герб с тремя кабанами: Смелость, Упорство, Благополучие. Теперь кабаны с герба осыпались, а рыцарская шляпа с перьями над щитом осталась. И купидоны по сторонам.

У входа в универмаг сидели в ряд обалдевшие от жары бабки из пригородного совхоза. Сидели с ночи – поддались слухам, что будут давать трикотажные кофточки по низким ценам.

Удалов отвернулся от бабок и боком постарался вспрыгнуть на три ступеньки. Он хотел сделать это легко, спортивно, но споткнулся о верхнюю ступеньку и упал животом на прозрачный пакет с пластиковой ракетой.

Грубин только ахнул.

Бабки очнулись и зашептались. Ракета жалобно скрипнула и распалась, как пустой гороховый стручок. Пусковая

установка желтого цвета сплющилась в квадратную лепешку.

Корнелий, не смея обернуться, вскочил, взглянул дико на останки ракеты, закинул мешок за спину и, пригнувшись, вбежал в полутьму магазина.

– Ну, что я говорил? – спросил у бабок Грубин.

Те оробели от дикого вида и значительного роста Грубина и затихли.

– Задача осложняется, – объяснил им Грубин и поспешил за Корнелием в нутро магазина.

Удалов передвигался по магазину медленно, будто по колесу в воде. Свободной рукой растирал ушибленный бок. Так дошел до прилавка с игрушками, остановился и подождал, прислушиваясь, пока не подошел Грубин.

– Плохо дело, – сказал Грубин. – Может, пойдем домой?

– Жена, – прошептал Корнелий.

Шурочка Родионова, продавщица игрушек, ждала обеденного перерыва и читала переводную книгу Зенона Косидовского «Библейские сказания». Шурочка собиралась быть археологом и три года занималась в историческом кружке у Елены Сергеевны Кастельской, которая была тогда директором музея. Школу Шурочка окончила хорошо, но в Вологду в институт поступать не поехала: с деньгами плохо. Пошла на год в продавщицы, хотя от планов не отказалась, читала книги и учила английский язык. К девятнадцати годам стала Шурочка так хороша, что многие мужчины, у которых не было детей, ходили в универмаг покупать игрушки.

Шурочка слышала шум у дверей, но не отвлеклась, читала комментарий про ошибки автора. Только когда Грубин с Удаловым подошли вплотную, она подняла голову, поправила золотую челку и сказала: «Пожалуйста».

А мысленно еще оставалась вблизи города Иерихона на Ближнем Востоке и переживала его трагедию.

Обоих посетителей она знала. Один, маленький, толстый, – Удалов, директор ремконторы. Второй – длинный, колючий, лохматый – заведовал пунктом вторсырья у рынка и принимал пустые бутылки.

– Здравствуйте, – сказали посетители.

Удалов поморщился и вытащил из-за спины большой прозрачный мешок с жалкими остатками пластиковой ракеты.

– Ой! – воскликнула Шурочка. – Что же у вас случилось?

– Замените! – произнес Удалов. – Брак!

– Как же так?

Шурочка положила книжку на прилавок и забыла об Иерихоне.

– Не видите, что ли? – все так же сердито спросил Удалов.

Шурочка не знала, что говорит он строго от робости и сознания своей неправоты. Она обиделась и отвечала:

– Я вам, гражданин, такого не продавала. Я сейчас заведующую позову... Ванда Казимировна!

Корнелий совсем оробел и сказал:

– Ну-ка, дайте мне жалобную книгу!

Он хотел отодвинуть шляпу на затылок, но не рассчитал,

шляпа слетела и шмякнулась на пол. Удалов пошел за шляпой.

– Вы нас поймите правильно, – разъяснил Грубин. – Брак заключался в ракете раньше, чем случился инцидент.

Пришла заведующая Ванда Казимировна, женщина масштабная, решительная и жена провизора Савича.

– Такое добро, – сказала она Грубину с намеком, – надо в утильсырье нести, а не в универмаг.

Бабки от входа пришли на разговор, и одна сказала:

– Чем торгуют! Постыдились бы.

Другая спросила:

– Кофточки сегодня будут давать?

– Спокойствие, – настаивал Грубин. – Я вам все покажу.

Он вынул из мешка две половинки ракеты, сложил их в стручок и показал заведующей:

– Трещину видите в хвостовой части? Вот с этой трещиной нам товар и продали.

Трещин в хвостовой части было несколько, и найти нужную было нелегко.

Шурочка совсем обиделась.

– Они издеваются, что ли? – спросила она.

– Алкоголики, – определила одна из бабок.

– Вот чек, – сказал, подходя, Корнелий. Шляпу он держал под мышкой. – Только вчера покупали. У меня чек сохранился. Пришел домой, вижу – трещина.

– Какая там трещина! – возмутилась заведующая. – Шу-

рочка, не расстраивайся. Мы им на работу сообщим. Это не ракета, а результат землетрясения.

– Вы не обращайте внимания, что ракета расколота, – произнес Грубин. – Это потом уже случилось. А землетрясений у нас не бывает. Людям доверять надо.

И в этот момент в Великом Гусляре началось землетрясение.

Глухой шум возник на улице. Земля рванулась из-под ног. Дрогнули полки. Стопки тарелок, будто выпущенные неопытным жонглером, разлетелись по магазину, чашки и чайники, хлопая о прилавки, разбивались гранатами-«лимонками», целлулоидные куклы и плюшевые медведи поскакали вниз, цветастые платки и наволочки воспарили коврами-самолетами, стойки с костюмами и плащами зашатались – казалось, пожелали выйти на улицу вслед за бабками, убежавшими из универмага с криками и плачем. Разбившиеся пузырьки с духами и одеколоном окутали магазин неповторимым, фантастическим букетом запахов. С потолка хлопьями посыпалась известка...

Грубин одной рукой подхватил прозрачный мешок с остатками ракетной установки, другой поддержал через прилавок Шурочку Родионову. Он единственный не потерял присутствия духа. Крикнул:

– Сохранять спокойствие!

Корнелий вцепился в шляпу, будто она могла помочь в эти жуткие секунды. Быстрое его воображение породило образ

разрушенного стихией Великого Гусляра, развалины вдоль засоренных кирпичами улиц, бушующие по городу пожары, стоны жертв и плач бездомных детей и стариков. И он, Корнелий, идет по улице, не зная, с чего начать, чувствуя беспомощность и понимая, что как руководитель ремконторы он основная надежда засыпанных и бездомных. Но нет техники, нет рабочих рук, царят отчаяние и паника.

И тут над головой рев реактивных самолетов – белыми лилиями распускаются в небе парашюты. Это другие города прислали помощь. Сборные дома, мосты и заводы спускаются медленно и занимают места, заранее запланированные в Центре, сыплется с неба дождем калорийный зеленый горошек, стучаются о землю, гнутся, но не разбиваются банки со сгущенным молоком и сардинами. Помощь пришла вовремя. Корнелий поднимает голову выше и слушает наступившую мирную тишину... И в самом деле наступила мирная тишина. Подземное возмущение окончилось так же неожиданно, как и началось. Тяжелое, катастрофическое безмолвие охватило универмаг и давило на уши, как рев реактивного самолета.

– Покинуть помещение! – оглушительно крикнул Грубин. Он бросил на пол мешок, взял одну из половинок ракетного стручка, вторую сунул Удалову и повлек всех за собой раскапывать дома и оказывать помощь населению.

Корнелий послушно бежал сзади, хоть ничего перед собой не видел – скатерть опустилась ему на голову и сделала его

похожим на бедуина или английского разведчика Лоуренса.

К счастью, раскапывать никого не пришлось. Стихийное бедствие, поразившее Великий Гусяр, не было землетрясением.

Метрах в двадцати от входа в универмаг мостовая расступилась, и в провал ушел задними колесами тяжело груженный лесовоз. Еще не улегшаяся пыль висела вокруг машины и, подсвеченная солнцем, придавала картине загадочный, неземной характер.

– Провал, – сказал обыкновенным голосом Удалов, стаскивая с головы скатерть и аккуратно складывая ее.

Провалы в городе случались нередко, так как он был стар и богат подземными ходами и подвалами царских времен.

– Опять не повезло тебе, Корнелий! – Грубин бросил в досаде на землю половинку ракеты. – Теперь тебе не до замен. Мостовую ремонтировать придется.

– Квартал, кстати, кончается, – ответил Корнелий. Он обернулся к заведующей и добавил: – Я, Ванда Казимировна, вашим телефончиком воспользуюсь. Надо экскаватор вызывать.

Из пылевой завесы вышел бледный, мелко дрожащий от пережитого шофер лесовоза. Он узнал Удалова и обратился к нему с претензией.

– Товарищ директор, – заявил он, – до каких пор мы должны жизнью рисковать? А если бы я стекло вез? Или взрывчатку?

– Ну уж, взрывчатку! – передразнил Грубин. – Кто тебе ее доверит?

– Кому надо, тот и доверит, – обиделся шофер. Увидев Шурочку, перестал дрожать, подтянулся.

– Провал как провал, – сказал Удалов. – Не первый и не последний. Сейчас вытащим, дыру засыплем, все будет как в аптеке. Сходили бы до милиции, пусть поставят знак, что проезда нет. А автобус пустят по Красноармейской.

## 2

Елена Сергеевна прищурилась и отсыпала в кастрюлю ровно полстакана манки из синей квадратной банки с надписью «Сахар». Молоко вздыбилось, будто крупа жестоко обожгла его, но Елена Сергеевна успела взболтнуть кашу серебряной ложкой, которую держала наготове.

Ваня втащил на кухню танк, сделанный из тома «Современника» за 1865 год и спичечных коробков.

– Не нужна мне твоя каша, – сказал он.

– Подай соль, – велела Елена Сергеевна.

– Посолить забыла, баба? – спросил Ваня.

Елена Сергеевна не стала дожидаться, пока Ваня развернет танк в сторону черного буфета, сама широко шагнула туда, достала солонку и при виде ее вспомнила, что уже сыпала соль в молоко. Елена Сергеевна поставила солонку обратно.

– Баба, – заныл Ваня противным голосом, – не нужна мне твоя каша... Хочу гоголь-моголь...

На самом деле он не хотел ни того ни другого. Он хотел устроить скандал.

Елена Сергеевна отлично поняла его и потому ничего не ответила. За месяц они с Ваней надоели друг другу, но дочь заберет его только через две недели.

Елена Сергеевна обнаружила, что к шестидесяти годам она охладела к детям. Она потеряла способность быть с ними

снисходительной и терпимой. После скандалов с Ваней она успокаивалась медленней, чем внук.

А ведь Елена Сергеевна сама попросила дочь прислать Ваню в Великий Гусяр. Она устала от одиночества долгих су-мерек, когда неверный синий свет вливается в комнату, в нем чернеют и разбухают старые шкафы, которые давно следовало бы освободить от старых журналов и разного барахла.

Раньше Елена Сергеевна думала, что на пенсии она не только отдохнет, но и сможет многое сделать из того, что откладывалось за делами и совещаниями. Написать, например, историю Гусяра, съездить к сестре в Ленинград, разобрать на досуге фонды музея и библиотеку, там все время сменялись бестолковые девчонки, которые через месяц выходили замуж или убегали на другую работу, где платили хотя бы на десятку больше, чем в бедном зарплатой городском музее.

Но ничего не вышло. История Великого Гусяра лежала на столе и почти не продвигалась. У сестры болели дети; и, вместо того чтобы не спеша обойти все ленинградские музеи и театры, Елене Сергеевне пришлось возиться по хозяйству.

В музее появился новый директор, ранее руководитель речного техникума. Директор рассматривал свое пребывание в музее как несправедливое наказание и ждал, пока утихнет гнев высокого районного начальства, чтобы вновь двинуться вверх по служебной лестнице. Директор был Елене Сергеевне враждебен. Ее заботы о кружках и фондах отвлекали от важного начинания: сооружения памятника зем-

лепроходцам, уходившим в отдаленные времена на освоение Сибири и Дальнего Востока. Землепроходцы часто уходили из Великого Гусяра – города купеческого, беспокойного, соперника Архангельска и Вологды.

– Баба, а в каше много будет комков? – спросил Ваня.

Елена Сергеевна покачала головой и чуть улыбнулась.

Комки, конечно, будут. За шестьдесят с лишним лет она так и не научилась варить манную кашу. Если бы удалось начать жизнь сначала, Елена Сергеевна обязательно подсмотрела бы, как это делала покойная мама. Кто-то стукнул в окно.

Ваня забыл о танке и побежал открыть занавеску. Он никого не увидел – в окно стучали знакомые, прежде чем войти в калитку, обогнуть дом и постучать со двора.

Елена Сергеевна убавила огонь и решила, что успеет открыть дверь, прежде чем каша закипит. Она быстро прошла в темные сени. От каждого шага, сухого и короткого, взвизгивали половицы.

За дверью стояла Шурочка Родионова, повзрослевшая и похорошевшая за весну и остригшая косу, чтобы казаться старше.

– Вытри ноги, – сказала Елена Сергеевна, любясь Шурочкой.

Шурочка покраснела; у нее была тонкая, персиковая кожа, Шурочка легко краснела и становилась похожей на кустодиевских барышень.

Шурочка поздоровалась, вытерла ноги, хоть на улице было сухо, и прошла на кухню за Еленой Сергеевной.

Девушка была взволнована и говорила быстро, без знаков препинания:

– Такое событие Елена Сергеевна грузовик ехал по Пушкинской и провалился народу видимо-невидимо думали землетрясение и Удалов из ремконторы говорит засыпать будем и там подвал а директора музея нет уехал в область на совещание по землепроходцам и надо остановить это безобразие там могут быть ценности.

– погоди, – сказала Елена Сергеевна. – Я вот тут Ваню кормить собралась. Садись и повтори все медленнее и логичнее.

Когда Шурочка говорила, она из молодой и красивой женщины превращалась в ученицу-отличницу, в старосту исторического кружка.

Елена Сергеевна положила кашу в тарелку и посыпала ее сахарным песком.

Ваня хотел было потребовать малинового варенья, но забыл. Он был заинтригован неожиданным визитом и быстрой речью гостыи. Он послушно сел к столу, взял ложку и смотрел в рот Шурочке. Как во сне, зачерпнул ложкой кашу и замер, беззвучно шевеля губами, повторяя рассказ Шурочки слово за словом, чтобы стало понятнее.

– Значит, ехал грузовик по Пушкинской, – говорила Шурочка чуть медленнее, но все равно без знаков. – И сразу

провалился задними колесами думали землетрясение все из магазина выскочили а там подвал...

– Где именно? – спросила Елена Сергеевна.

– Недалеко от угла Толстовской.

– Там когда-то проходил Адов переулок. – Елена Сергеевна прищурилась и представила себе карту города в промежутках между пятнадцатым и восемнадцатым веками.

– Правильно, – обрадовалась Шурочка. – Вы нам еще в кружке рассказывали там Адов переулок был и кузнецы работали ширина два метра и упирался в городскую стену я так и сказала Удалову из ремконторы а он говорит что квартал кончается и он обязан сдать Пушкинскую они ее три месяца асфальтировали а то премии не получат.

– Безобразие! – возмутилась Елена Сергеевна. – Ваня, не дуи в ложку... Мне не с кем его оставить.

– Так я посижу, Елена Сергеевна, – сказала Шурочка. – Без вас они засыпят, а вас даже Белосельский слушается.

– Я власти не имею, – напомнила Елена Сергеевна. – Я в отставке.

– Вас весь город знает.

– Я сейчас.

Елена Сергеевна прошла в маленькую комнату и скоро вернулась. Она причесалась, заколола седые волосы в пучок на затылке. На ней было темное учительское платье с отложным, очень белым воротничком, и Шурочка снова почувствовала робость, как пять лет назад, когда она в первый раз

пришла в исторический кружок. Елена Сергеевна, в таком же темном платье, повела их наверх, в первый зал музея, где стоял прислоненный к стене потертый бивень мамонта, висела картина, изображающая повседневный быт людей каменного века, а в витрине под стеклом лежали в ряд черепки и наконечники стрел из неолита, найденные у реки Гусь дореволюционными гимназистами.

– Так ты посидишь немного? – спросила Елена Сергеевна.

– Конечно, я сегодня с обеда свободна.

Елена Сергеевна спустилась с крыльца, молодо процокала каб лучками по деревянной дорожке двора, прикрыла калитку и пошла по Слободской к центру, через мост над Грязнухой, что испокон веку делит город на Гусяр и Слободу.

За мостом по правую руку стоит здание детской больницы. Раньше там был дом купцов Синицыных, и в нем сохранились чудесные изразцовые печи второй половины восемнадцатого века. По левую руку – церковь Бориса и Глеба, шестнадцатый век, уникальное строение, требует реставрации. За церковью – одним фасадом на улицу, другим на реку – мужская гимназия, ныне первая средняя школа. За гимназией – широкая и всегда ветреная площадь, наполовину занятая газонами. Здесь до революции стояли гостиные ряды, но в тридцатом, когда ломали церкви, сломали заодно и их, хотя можно было использовать ряды под колхозный рынок. Теперь здесь стоит, вглядываясь в даль, бронзовый землепроходец.

По ту сторону площади – двухэтажный музей, памятник городской архитектуры восемнадцатого века, охраняется государством.

Но Елена Сергеевна переходить площадь не стала, а у довольственного свернула на Толстовскую.

На углу встретился провизор Савич, давнишний знакомый.

– Ты слышала, Лена, – сообщил он, отдуваясь и обмахиваясь растрепанной книжкой, – грузовик провалился?

– А куда, ты полагаешь, я иду? – спросила Елена Сергеевна. – Обследовать финифтяную артель?

– Ну уж, Леночка, – ответил мягко Савич, – не надо волноваться. Если мне не изменяет память, это третий провал за последние годы?

– Четвертый, Никита, – сказала Елена Сергеевна. – Четвертый. Я пойду, а то как бы они чего не натворили.

– Разумеется. Если б не такая жара, я бы сам посмотрел. Но обеденный перерыв короток, а мое брюхо требует пищи. Я так и полагал, что тебя встречу. Тебя все в городе касается.

– Касалось. Теперь я на пенсии. Передай привет Ванде Казимировне.

– Спасибо, мы все к вам в гости собираемся...

Но последних слов Елена Сергеевна уже не слышала. Она быстро шла к Пушкинской.

Савич поправил очки и побрел дальше, размышляя, есть ли в холодильнике бутылка пива. Он представил запотевшую

темно-зеленую бутылку, шипение освобожденного напитка, зажмурился и заспешил.

На Пушкинской, не доходя до универмага, стояла толпа. Толпа казалась неподвижным, неживым телом, и только мальчишки кружились вокруг нее, влетая внутрь и снова выскакивая, как пчелы из роя. По улице не спеша шел гусеничный экскаватор. Вблизи толпа распалась на отдельных людей, большей частью знакомых – учеников, друзей, соседей и просто горожан, о которых ничего не знаешь, но здороваешься на улице.

Елена Сергеевна пронзила толпу и оказалась у провала. Асфальт расходился трещинами, прогибался, будто был мягким, как резиновый коврик, и обрывался овальным черным колодцем. По другую сторону колодца стоял лесовоз – его уже вытащили из ямы. Бревна лежали на мостовой рядком.

У провала спорили два человека. Один из них был низок ростом, агрессивен, и лицо его было скрыто под соломенной шляпой. Второй – баскетбольного типа, с нечесаной шевелюрой, в черном пиджаке, надетом прямо на голубую майку, – отступал под натиском низенького, но сопротивления не прекращал.

– Для меня это скандал и безобразие, – уверял низкий.

Елена Сергеевна сразу поняла, что это и есть директор ремконторы.

– Мы окончили асфальтирование участка, рапортовали и ожидаем заслуженной премии – не лично я, а коллектив, –

а ты что мне советуешь?

Низенький сделал шаг вперед, и длинный отступил, рискуя свалиться в пропасть.

– Корнелий, ты забыл о науке, о славе родного города, – протестовал он, балансируя над провалом.

– А люди премии лишатся?.. Эй, Эрик! – Это низенький увидел экскаватор. – Давай сюда, Эрик!

– Подождите, – произнесла Елена Сергеевна.

– А вы еще по какому праву? – спросил низенький, не поднимая головы. – Давай, Эрик!

– Вот что, Корнелий, – сказала тогда Елена Сергеевна, которая наконец узнала, кто же скрывается под соломенной шляпой. – Сними шляпу и подними голову.

Кто-то в толпе хихикнул. Экскаваторщик заглушил мотор и подошел поближе.

– Где тут яма, – спросил он, – которая представляет исторический интерес?

Директор ремконторы послушно снял шляпу и поднял вверх чистые голубые глаза неуспевающего ученика.

Он уже все понял и сдался.

– Здравствуйте, Елена Сергеевна, – сказал он. – Я вас сразу не узнал.

– Дело не в этом, Корнелий.

– Правильно, не в этом. Но вы войдите в мое положение.

– А если бы на Красной площади такое случилось? – спросила строго Елена Сергеевна. – Ты думаешь, Удалов, что

правительство разрешило бы вызвать экскаватор и засыпать провал, не дав возможности ученым его обследовать?

– Так то Красная площадь...

– Так его! – пришел в восторг Грубин. – Я сейчас мигом все осматриваю.

– Кстати, если не исследовать, куда ведет провал, – добавила Елена Сергеевна, – то не исключено, что завтра произойдет катастрофа в десяти метрах отсюда, вон там, например.

Все испуганно посмотрели в направлении, указанном Еленой Сергеевной.

Грубин присел на корточки и постарался разглядеть, что таится в провале. Но ничего не увидел.

– Фонарь нужен, – сказал он.

– Фонарь есть. – Из толпы вышел мальчик с длинным электрическим фонарем. – Только меня с собой возьмите.

– Здесь мы не шутки шутить собрались. – Грубин отобрал фонарь у мальчика. – Я пойду, а, Елена Сергеевна?

– Подождите. Нужно, чтобы туда спустился представитель музея.

– Так там нет никого. А вы отсюда будете контролировать.

Рядом с Еленой Сергеевной возник человек с фотоаппаратом.

– Я готов, – сказал он. – Я работаю в районной газете, и моя фамилия Стендаль. Миша Стендаль. Я окончил истфак.

– Так будем стоять или будем засыпать? – спросил экска-

ваторщик. – Простой получается.

– Идите, – согласилась с Мишей Елена Сергеевна.

– Тогда и я пойду, – сказал вдруг экскаваторщик. – Мне нужно посмотреть, куда землю сыпать. Да и физическая сила может пригодиться.

И на это Елена Сергеевна согласилась.

Удалов хотел было возразить, но потом махнул рукой. Не везет, так никогда не везет.

– Здесь неглубоко, – оповестил Грубин, посветив фонариком вглубь.

Он лег на асфальт, свесил ноги в провал и съехал на животе в темноту. Ухнул и пропал.

– Давайте сюда! – прилетел через несколько секунд утробный подземный голос.

Толпа сдвинулась поближе к краям провала, и Елена Сергеевна сказала:

– Отойдите, товарищи. Сами упадете и других покалечите.

– Сказано же, – оживился Удалов, – осадите!

Экскаваторщик спрыгнул вниз и подхватил Мишу Стендаля.

– Ну, как там? – крикнул Удалов.

Он опустился на колени, крепко упершись пухлыми ладошками в асфальт, и голос его прозвучал тихо, отраженный невидимыми стенами провала.

– Тут ход есть! – отозвался снизу чей-то голос.

– Там ход есть, – повторил кто-то в толпе.

– Ход...

И все замерли, замолчали. Даже мальчишки замолчали, охваченные близостью тайны. В людях зашевелились древние инстинкты кладоискателей, которые дремлют в каждом человеке и только в редких деятельных натурах неожиданно просыпаются и влекут к приключениям и дальним странствиям.

### 3

Сверху провал представлялся Милице Федоровне Бакшт чернильной кляксой. Она наблюдала за событиями из окна второго этажа. Пододвинула качалку к самому подоконнику и положила на подоконник розовую атласную подушечку, чтобы локтям было мягче. Подушечка уместилась между двумя большими цветочными горшками, украшенными бу-мажными фестончиками.

Очень старая сиамская кошка с разными глазами взмахнула хвостом и тяжело вспрыгнула на подоконник. Она тоже смотрела на улицу в щель между горшками.

В отличие от остальных Милица Федоровна хорошо помнила то время, когда улица не была мощеной и звалась Елизаветинской. Тогда напротив дома Бакштов, рядом с лабазом Титовых, стоял богатый дом отца Серафима с резными наличниками и дубовыми колоннами, покрашенными под мрамор. Дом отца Серафима сгорел в шестидесятом, за год до освобождения крестьян, и отец Серафим, не согласившись в душе с суровостью провидения, горько запил.

Отлично помнила Милица Федоровна и приезд губернатора. Тот был у Бакштов с визитом, ибо обучался со вторым супругом Милицы Федоровны в пажеском корпусе. Хозяйка велела в тот вечер не жалеть свечей, и его высокопревосходительство, презрев условности, весь вечер провел у ее

ног, шевеля бакенбардами, а господин Бакшт был польщен и вскоре стал предводителем уездного дворянского собрания.

Память играла в последние годы странные шутки с Милицей Федоровной. Она отказывалась удерживать события последних лет и услужливо подсовывала образы давно усопших родственников и приятелей мужа и даже куда более давние сцены: петербургские, окутанные дымкой романтических увлечений.

В годы революции Милица Федоровна была уже очень стара, и за ней ходила компаньонка из монашек. С тех лет ей почему-то врезалось в память какое-то шествие.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.